

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ

ГОРОДОК ОКУРОВ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г71

Горький, М.

Г71 Городок Окуров/ М. Горький. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 150 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72626-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Максима Горького «Городок Окуров».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72626-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

«...уездная, звериная глушь».

Ф. М. Достоевский

Волнистая равнина вся исхлѣстана серыми дорогами, пѣстрый городок Окуров посреди неё — как затейливая игрушка на широкой, сморщенной ладони.

Из густых лесов Чернораменя вытекает ленивая речка Путаница; извиваясь между распаханых холмов, она подошла к городу и разделила его на две равные части: Шихан, где живут лучшие люди, и Заречье — там ютится низкое мещанство.

Разрезав город, река течёт к юго-западу и теряется в ржавом Ляховском болоте; ошетинилось болото тѣмным ельником, и уходит мелкий лес густым широким строем в серовато-синюю даль. А на востоке, по вершинам холмов, маячат в бледном небе старые, побитые грозами деревья большой дороги в губернию.

Кроме города, на равнине, у опушки Чѣрной Рамени приткнулось небольшое село Воеводино да две деревни: к северу — Обносково, а к востоку Балымеры, Бубновка тож; вот и всё вокруг Окурова.

Обилие вод в краю насыщает летом воздух тѣплой влагой и пахучей духотой; небо там бледное и мутное, точно запо-

тело, солнце — тускло, вечерние зори — злоеюще багряны, а луна — на восходе — велика и красна, как сырое мясо.

Осенью над городом неделями стоят серые тучи, поливая крыши домов обильным дождём, бурные ручьи размывают дороги, вода реки становится рыжей и сердитой; городок замирает, люди выходят на улицы только по крайней нужде и, сидя дома, покорно ждут первого снега, играют в козла, дурачки, в свои козыри, слушают чтение пролога, минеи, а кое-где — и гражданских книг. Снег падает густо и обильно, тяжкими хлопьями, заваливая улицы города едва не до крыш домов. По ночам на равнине заунывно воют волки; звёзды крупны, синеваты и холодны, а злоеющая Венера зелена, точно камень изумруд.

Город имеет форму намогильного креста: в комле — женский монастырь и кладбище, вершину — Заречье — отрезала Путаница, на левом крыле — серая от старости тюрьма, а на правом — ветхая усадьба господ Бубновых, большой облупленный и оборванный дом: стропила на крыше его обнажены, точно рёбра коня, задранного волками, окна забиты досками, и сквозь щели их смотрит изнутри дома тьма и пустота.

На Шихане числится шесть тысяч жителей, в Заречье около семисот. Кроме монастыря, есть ещё две церкви: новый, чистенький и белый собор во имя Петра и Павла и древняя деревянная церковка Николая Мирликийского, о пяти разноцветных главах-луковицах, с кирпичными контрфорсами по бокам и приземистой колокольной, подобной кринолину и недавно выкрашенной в синий и жёлтый цвета.

Мещане в городе юркие, но — сытенские; занимаются они торговлей красным и другим товаром на сельских яр-

марках уезда, скупают пеньку, пряжу, яйца, скот и сено для губернии; жёны и дочери их вяжут из разноцветных шерстей туфли, коты (вид обуви — Ред.), шарфы, фуфайки и дорожные мешки, это рукоделие издавна привила им монастырская школа, где почти все они учились грамоте. Город славится вязаньем, посылает его к Макарию на ярмарку, и, должно быть, эта работа развила у жителей любовь к яркой окраске домов.

Главная улица — Поречная, или Бережок, — вымощена крупным булыжником; весною, когда между камней пробьётся молодая трава, градской голова Сухобаев зовёт арестантов, и они, большие и серые, тяжёлые, — молча ползают по улице, вырывая траву с корнем.

На Поречной стройно вытянулись лучшие дома, — голубые, красные, зелёные, почти все с палисадниками, — белый дом председателя земской управы Фогеля, с башенкой на крыше; краснокирпичный с жёлтыми ставнями — головы; розоватый — отца протоиерея Исаии Кудрявского и ещё длинный ряд хвастливых, уютных домиков — в них квартировали власти: войсковой начальник Покивайко, страстный любитель пения, — прозван Мазепой за большие усы и толщину; податной инспектор Жуков, хмурый человек, страдавший запоем; земский начальник Штрехель, театрал и драматург; исправник Карл Игнатьевич Вормс и развесёлый доктор Ряхин, лучший артист местного кружка любителей комедии и драмы.

Только почтмейстер Кубарев, знаменитый цветовод, да казначей Матушкин жили на Стрелецкой — эта улица одним концом, разрезая Поречную, выходила на берег реки, а другим упёрлась в базарную площадь у ворот монастыря.

В городе много садов и палисадников, — клён, рябина, сирень и акация скрывали лица домов, сквозь зелень приветливо смотрели друг на друга маленькие окна с белыми занавесками, горшками герани, фуксии, бегонии на подоконниках и птичьими клетками на косяках.

Жили на Шихане благодушно и не очень голодно, предубаждениям начальства повиновались мирно, старину помнили крепко, но, когда встречалась надобность, гибко уступали и новым требованиям времени: так, заметив избыток девиц, меццанство решило строить прогимназию.

— Всех девок, видно, замуж не выдашь, — стало быть, пусть идут на службу в учительницы!

Говорилось тоже, что хорошо бы и гимназию иметь: деревня год от году всё беднеет, жить торговлей становится трудно, ремесло кормит всё хуже, в губернии учить детей — дорого, а учить их надобно: доктора, адвокаты и вообще учёный народ живёт сытно.

По праздникам молодёжь собиралась в поле за монастырём играть в городки, лапту, в горелки, а отцы и матери сидели у ограды на траве и, наблюдая за игрой, вспоминали старину.

Заезжие фокусники и разные странствующие «артисты» собирали в «Лиссабоне» полный зал; спектакли местного кружка любителей тоже посещались усердно, но особенно были любимы светские концерты местного хора, которыми угощал горожан Мазепа — зимою в «Лиссабоне», а летом на городском бульваре.

Рыжий глинистый обрыв городского берега был укреплён фашинником, а вдоль обрыва город устроил длинный бульвар, густо засадив его тополями, акациями, липой; в цен-

тре бульвара голова и Покивайко выстроили за свой счёт красную беседку, с мачтой на крыше, по праздникам на мачте трепался национальный флаг. Две лестницы спускаются от беседки по обрыву, — под ним летом стояли купальни: полосатая — голубая с белым — Фогеля, красная головы, и серая, из выгоревших на солнце тесин — «публичная». От купален на реку ложатся разноцветные пятна, и река тихо полощет их кисею.

Другой берег, плоский и песчаный, густо и нестройно покрыт тесною кучей хижин Заречья: чёрные от старости, с клочьями зелёного мха на прогнивших крышах, они стоят на песке косо, криво, безнадёжно глядя на реку маленькими больными глазами, кусочки стёкол в окнах, отливая опалом, напоминают бельма.

Среди измятой временем, распатанной половодьем толпы мещанских домишек торчит красная кирпичная часовня во имя Александра Невского: её построил предок вымерших помещиков Бубновых на том месте, где его, — когда он, по гневному повелению Павла I, ехал в ссылку в Тобольск, — догнал курьер с приказом нового царя немедля возвратиться в Питер. Часовню эту почти на треть высоты заметало сором и песком, кирпич её местами выломан во время драк и на починку печей, и даже железный, когда-то золочёный, крест согнут. Больше никаких приметных зданий в слободе не было, если не считать «Фелицатина раишка», стоявшего в стороне от неё и выше по течению реки.

Ежегодно в половодье река вливалась в дворы Заречья, заполняла улицы тогда слобожане влезали на чердаки, удили рыбу из слуховых окон и с крыш, ездили по улицам и по реке на плотах из ворот, снятых с петель, ловили дрова, уне-

сённые водою из леса, воровали друг у друга эту добычу, а по ночам обламывали перила моста, соединявшего слободу с городом.

Весною, летом и осенью заречные жили сборм щавеля, земляники, охотой и ловлею птиц, делали веники, потом собирали грибы, бруснику, калину и клюкву — всё это скупало у них городское мещанство. Человека три — в их числе Сима Девушкин — делали птичьи клетки и садки, семейство Пушкаревых занималось плетением неводов, Стрельцовы работали из корневища берёзы шкатулки и укладки с мудрёными секретами. Семеро слобожан работало на войлочном заводе Сухобаева, девять человек валяло сапоги.

Войлочники и валяльщики сапог пили водку чаще и больше других, а потому пользовались общим вниманием и уважением всех слобожан. Иногда, по праздникам, лучший мастер по войлоку и один из сильнейших бойцов слободы, Герасим Крыльцов, вдруг начинал нещадно бить почитателей своих, выкрикивая, точно кликуша:

— Спаиваете вы меня, анафемы! Погибаю через вас — ух!

Но против него выходил красавец и первый герой Вавила Бурмистров и, засучивая рукава, увещевал его:

— Стой, Гараська! Ты как можешь, злодей, избивать христианский народ, который меня любит и уважает, а? Тебе чего жалко? Ну, держись!

Побеждённый Герасим плакал:

— Не денег, братцы, жалко, жизни — жизни жалко моей!

Между городом и слободою издревле жила вражда: сытое мещанство Шихана смотрело на заречан, как на людей никчемных, пьяниц и воров, заречные усердно поддерживали

этот взгляд и называли горожан «грошелюбами», «пятакоедами».

С Михайлова дня начинались жестокие бои на льду реки, бои шли всю зиму, вплоть до масляной недели, и, хотя у слобожан было много знаменитых бойцов, город одолевал численностью, наваливался тяжестью: заречные всегда бывали биты и гонимы через всю слободу вплоть до песчаных бугров «Кобылых ям», где зарывалидохлый скот.

Чаще всего из города в Заречье являлась полиция: с обысками, если случалась кража, ради сбора казённых повинностей, описи слободских пожитков за долги и для укрощения частых драк; всякие же иные люди приходили только по ночам, дабы посетить «Фелицатин раишко».

«Раишко» — бывшая усадьба господ Воеводининых — ветхий, тёмный и слепой дом — занимал своими развалинами много места и на земле и в воздухе. С реки его закрывает густая стена вётел, осин и берёз, с улицы — каменная ограда с крепкими воротами на дубовых столбах и тяжёлой калиткой в левом полотнище ворот. У калитки, с вечера до утра, всю ночь, на скамье, сложенной из кирпича, сидел большой, рыжий, неизвестного звания человек, прозванный заречными — Четыхер.

До Четыхера сторожем был младший брат Вавилы Бурмистрова — Андрей, но он не мог нести эту должность более двух зим: в холода заречное мещанство волчьей стаей нападало на развалины дома, отрывая от них всё, что можно сжечь в печи, и многое ломали не столь по нужде, сколько по страсти разрушать, — по тому печальному озорству, в которое одевается тупое русское отчаяние. Приходилось грудью защищать хозяйское добро — против друзей и даже род-

ного брата: на этом деле и покончил Андрей свою жизнь — ему отбили печёнки.

Умирая, он хрипел:

— Фелицата, — за тебя стоял, — прощай!

Она плакала, закрывая лицо белыми руками, потом, с честью похоронив защитника, поставила над его могилою хороший дубовый крест и долго служила панихиды об упокоении раба божия Андрия, но тотчас же после похорон съездила куда-то, и у ворот её «раишка» крепко сел новый сторож длиннорукий, квадратный, молчаливый; он сразу внушил бесстрашным заречанам уважение к своей звериной силе, победив в единоборстве богатырей слободы Крыльцова, Бурмистрова и Зосиму Пушкарева.

Широкий, двухэтажный, с антресолями, колоннами и террасою, воеводинский дом развалился посредине двора, густо заросшего бурьяном. Вокруг дома лежали остатки служб — Фелицатино топливо; над развалинами печально качались вершины деревьев парка. «Раишко» помещался во втором этаже, его три окна почти всегда были прикрыты решётчатыми ставнями, над ним — как нос над подбородком старика — нависла крыша, обломанная тяжестью снега.

Скрытая за стеною в глубине двора жизнь «Фелицатина раишка» была недоступна наблюдениям заречных людей. Летом горожане являлись с реки, подъезжая в лодках к парку или крадучись берегом по кустам, зимою они проезжали слободской улицей, кутаясь в башлыках или скрывая лица воротниками шуб.

Знали, что у Фелицаты живут три девицы: Паша, Розочка и Лодка, что из хороших людей города наиболее часто посещают «раишко» помощник исправника Немцев, потому